

Н. И. РЫЖКОВ

Перестройка: история предательств

<Фрагменты>

Горбачев ждал, верно, но это вовсе не значит, что ожидание было пассивным. В 1983 году Андропов привел в ЦК (на должность заведующего отделом оргпартрabоты) первого секретаря Томского обкома Егора Лигачева, который в том же году был избран секретарем ЦК. Человек феноменально активный, жесткий, обладающий несворачиваемой целеустремленностью мощного танка, он стал незаменимым соратником и помощником исподволь выраставшего Горбачева. Честно говоря, я иногда завидовал этой его «танковости», которая оказалась чрезвычайно важной для становления и укрепления горбачевской — то есть нашей! — команды. Ведающий оргпартрabотой, то есть кадрами партии, Лигачев постепенно и ненасильно менял руководителей областных и краевых партийных организаций: в обкомах и крайкомах работали в основном очень старые кадры, по многу лет там уже сидели. Ну вывели старого человека на почетную персональную пенсию, сохранили ему другие блага, квартиру, дачу казенную — что тут по тем временам криминального? Естественный процесс... Полагаю, «гвардейцы» Леонида Ильича шептали про себя, недовольные прытким Егором, но вслух возразить повода не имели. Так постепенно создавалась в стране надежная опора команды Горбачева.

Что же касается хозяйственных кадров, производственников, то и они в основном видели в Горбачеве некую надежду на ослабление душливого административно-командного ярма. Сам-то я никого специально не агитировал: мол, поддерживайте Михаила Сергеевича, он человек прогрессивный. За меня, а значит, и за него наша повседневная и скрупулезная экономическая работа сама говорила. Два года уже говорила. Поэтому страна довольно быстро признала в Горбачеве партийного лидера.

Черненко умер в кунцевской больнице 10 марта 1985 года в 19 часов 20 минут. День был воскресный, выходной, я рассеянно смотрел какой-то древний фильм по телевизору, ждал программу «Время», когда мне позвонили из ЦК и, скороговоркой сообщив о смерти генсека, пригласили **срочно** прибыть в Кремль.

Когда я заявился в «предбанник» перед залом заседаний Политбюро, там уже толклись взволнованные секретари. Долгих, Русаков¹, Капитонов, ещё кто-то... Взволнованы они были отнюдь не фактом кончины Черненко — её ждали, чего зря лицемерить! — но предстоящей повесткой Политбюро. Помню, кто-то спросил неуверенно: не слишком ли быстро собираемся, может, стоит хотя бы из приличия выждать денёк? А кто-то ответил: нельзя терять ни минуты, надо такие вопросы решать с ходу, промедление смерти подобно...

Странная штука — человеческая память! Не могу вспомнить, кто вёл этот разговор, но он прочно застрял в памяти, едва ли не дословно, потому что и вправду выражал общее психологическое состояние накануне заседания Политбюро. Мы фантастически устали ждать. По ритуалу, с незапамятных времён принятому в Кремле, секретари ЦК и кандидаты в члены ПБ собирались в официальной приёмной (это её я назвал «предбанником») перед залом заседаний. По его другую сторону располагалась так называемая ореховая комната (там и впрямь стояла орехового дерева мебель), что разделяла зал заседаний и кабинет генсека. Обычно в ней уже ждали члены Политбюро, туда являлся и Генеральный: то за минуту до назначенного срока, то за десять-пятнадцать минут, если хотел обсудить что-то с **соратниками** накануне. В назначенный час он входил в зал заседаний во главе команды членов ПБ. Мы, люди второй и третьей ступенек, уже были в зале, и две «команды» вежливо здоровались за руку — каждый с каждым, как футболисты на поле перед игрой. Смешновато со стороны выглядело...

Так было и в этот раз. Первым из «ореховой комнаты» стремительно вышел Горбачев. Он и занял место председателя, он и начал заседание. На часах значилось, если это небезразлично историкам, 22:00. Довольно быстро составили: комиссию по организации похорон Черненко. Возглавил её Горбачев, возражений не последовало. По неписаной традиции тот, кто возглавляет такую комиссию, автоматически становится Генеральным. Оговорили место захоронения — в землю за Мавзолеем, дату и время — в среду, в 13:00, место для прощания с покойным — Дом Союзов, естественно. Потом встал Громыко и предложил кандидатуру Горбачева на пост Генерального секретаря.

Это была, как я считаю, важная личная победа Егора Лигачёва, заранее проговорившего все варианты едва ли не со всеми, кому предстояло поднять руку «за» или «против» **нашего** лидера. Хотя — нет, не со всеми. Со мной он никаких бесед не вёл, да и зачем, в самом деле: меня-то ни в чём убеждать не надо было. Громыко, едва ли не самый старый член «гвардии» Брежнева (да что там Брежнева — и Хрущёва, и даже Сталина!), открыто и безоговорочно выступил на стороне «племени младого, незнакомого». Я уже говорил, что он откровенно симпатизировал нам всем, лично Горбачеву, но нужна была серьёзная «психологическая атака», чтобы он не просто поддержал на Политбюро эту кандидатуру, но сам первый назвал её.

Не исключаю, что именно выступление Громыко и предредило предельно спокойный ход заседания: никто из стариков даже слова против не сказал. Впрочем, двоих и не было: Кунаев² не успел прилететь из Алма-Аты, Щербицкий не ко времени застрял в Америке. Их отсутствие вежливо учли: назначили вторичное заседание ПБ — перед пленумом, который состоялся на следующий день, в понедельник. Забегая вперёд, скажу, что Щербицкий и на него не поспел, а Кунаев счёл для себя лучшим промолчать.

Ещё раз повторяю: никакой борьбы не было, хотя нынче многие мемуаристы склонны представить назначение Горбачева как некий революционный акт. Революционным-то он был — ясное дело, но только по сути, а по форме выбор генсека оказался спокойным. Предрешённым. Слово сказано: «предрешённым».

В связи с этим хотелось бы вспомнить яростное выступление Лигачёва на XIX партийной конференции летом 88-го с его анекдотически знаменитым: «Борис, ты не прав!». Меня сейчас не волнует правота или неправота Ельцина, которого «долбал» Лигачёв, в очередной раз создавая свердловскому партийному функционеру ореол мученика. Меня сейчас, как и прежде, удивляют категоричные до непреложности (ну такой он, Егор Кузьмич!) слова о двух днях выборов Горбачева генсеком:

«Надо сказать всю правду: это были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность. Хочу вам сказать, что благодаря твёрдо занятой позиции членов Политбюро товарищей Чебрикова, Соломенцева³ и Громыко и большой группы секретарей обкомов на мартовском Пленуме ЦК было принято единственно правильное решение».

Да чем угодно клянусь: никаких других решений и быть не могло, никакой **реальной** опасности не существовало! Да, Чебриков, Соломенцев и Громыко твёрдо заняли свою позицию, прав Лигачёв, но их было всего трое, а рядом с ними сидели Гришин и Романов,

Тихонов и Кунаев, у которых — не сомневаюсь! — тоже была своя позиция, весьма от нашей отличная. Но в том-то все и дело, что ничего они не могли предпринять. Только молчать и соглашаться. В чём-в чём, а в дворцовой мудрости им отказать было нельзя. Они поняли, что время безвозвратно ушло, что месяцы и даже дни их власти сочтены именно Горбачевым со товарищи, а товарищей как раз толково и последовательно выпестовал и подготовил Лигачёв.

Победа Горбачева не стала спонтанной, никакой революцией там и не пахло. Не могу, честно говоря, понять, почему Лигачёв сегодня (и вчера — на помянутой партконференции) явно принижает собственную — долговременную, а не мгновенную! — роль в воцарении Горбачева, хочет превратить его назначение в **случай**. Нет, оно было чётко подготовленной закономерностью, к которой сильно запылённые «коридоры власти» подметались и пылесосились ещё с начала 83-го. На две мощные опоры, на двух китов встала эта закономерность. Во-первых, на новые партийные кадры в краях и областях, реальное влияние которых не могла не учитывать все-таки здравомыслящая часть брежневской «гвардии». Во-вторых, на заметно изменившуюся экономическую ситуацию в стране, невозможность вернуться к старому хозяйственному мышлению, что явилось закономерным следствием новой экономической политики, напрямую связываемой с цепочкой Андропов — Горбачев — Рыжков.

Так что — никаких неожиданностей. Правда, Горбачев сам поддержал Лигачёва, сказав даже, что был, дескать, подготовлен альтернативный кандидат. Если и был, то держался в такой страшной тайне, что даже краешка её никто не приоткрыл... Нет, думаю, Горбачеву просто-напросто хотелось представить, что он прорвался в генсеки с боями, в борениях и муках.

Впрочем, «театр для себя» тем и хорош, что не требует никаких приземлённых и оттого скучных доказательств сюжета. Либо вы ему верите, либо не верите. Я не могу верить или не верить. **Я знаю.**

Кстати, именно мартовский пленум, единогласно избравший Горбачева Генеральным секретарём партии, стал естественным и не вызывающим никакого удивления стартом к мощному укреплению команды Горбачева непосредственно в Политбюро. Опять-таки забегаю вперёд, замечу, что апрельский пленум избрал нас с Лигачёвым членами Политбюро, минуя ступень кандидатства.

Июльский сделал членом Политбюро Шеварднадзе, а секретарями ЦК — Ельцина⁴ и Зайкова⁵, выведя из состава ПБ Романова⁶.

Октябрьский — отправил на пенсию Тихонова, а февральский 86-го — Гришина. Тогда, в марте, в своей «тронной» речи, которую он готовил в первой половине дня в понедельник (Пленум был назначен на 17:00, уже начали прилетать в Москву и являться на Старую площадь члены ЦК, секретари крайкомов и обкомов, ночью вызванные неутомимым Лигачёвым), Горбачев пока ещё в общих и округлых словах, но достаточно ясно для всех подтвердил жизнестойкость того курса, который был начат андроповской, а потом, при Черненко, продолжен уже горбачёвской командой. Он сказал и об ускорении социально-экономического развития страны, и о совершенствовании системы экономических отношений, системы управления хозяйством, и о научно-техническом прогрессе, и о развитии демократии, даже о повышении роли Советов. Короткой была речь, но ёмкой. Смутное время закончилось.

Был ли Горбачев рад или воспринял своё избрание обыденно, как должное? Второе — несомненно, он никого не видел на посту генсека, кроме себя, и был, конечно же, прав. Я, например, тоже никого иного не видел на его месте и не хотел видеть. Другое дело, что внешние атрибуты власти всегда радовали Горбачева, я уже говорил это, он любил быть **первым** и умел им быть. Телевидение впоследствии многократно и подробно показывало всем и каждому эту его черту характера. Старая истина: короля играет свита. У Брежнева так и было: свита даже всю переигрывала — то ли режиссёры у них отсутствовали, то ли актёры элементарным талантом не обладали. Перебор, да и только. Горбачев же всегда играл себя сам и делал это вкусно, обильно и до поры с достаточным тактом. Это потом, позже, он начнёт повторяться, заученно произносить одни и те же слова-заклинания, вызывая недоумённое недоверие все ещё ожидающих чуда зрителей. Но это будет ещё не скоро, а тогда, в марте, он ощущал себя счастливым и вдохновенным избранником судьбы.

А «свита» Горбачева к телекамерам не рвалась. Она просто и незаметно работала. Кто как умел. Надо отдать должное Горбачеву: он всегда окружал себя теми людьми, которые были ему необходимы в данный отрезок времени. Тогда, в полном надежд 85-м, ему требовались думающие, изобретающие, не страшящиеся перемен.

Через несколько дней после похорон Черненко мы собрались на первое — теперь уже официально горбачёвское! — Политбюро. Он и вёл его по-хозяйски, весомо говорил о самых первостепенных для страны задачах. Никаких америк он, конечно, не открыл, ибо первоственным было ни от кого не спрятанное: финиш пятилетки и планы следующей, необходимость подготовки к следующему съезду в 1986 году, ибо Устав партии требует проводить их раз

в пять лет. Решено было вынести на съезд обсуждение новой редакции Программы партии (она готовилась потихоньку и при Черненко, хотя работа велась малопродуманно и малопродуктивно, так и заглохла, не завершилась) и утверждение «Основных направлений развития экономики на пятилетку и до 2000 года». Да, ещё. Ускорение НТП вновь было названо ключевым вопросом в экономике страны. Ключевым и неотложным.

Всё шло так, как и предполагалось. Тогда уверен был: впереди — прекрасная, счастливая, плодотворная работа и, главное, — с единомышленниками.

